

Розділ II. Історія та теорія пенітенціаристики

Таким образом, в УССР ЛПР в 1921 г. занимали важное место в общей исправительно-трудовой системе, несмотря на массу проблем, порожденных как объективными, так и субъективными причинами. В конечном итоге все вышеперечисленные факторы способствовали тому, что 30 января 1922 г. ЛПР (концентрационные лагеря) были ликвидированы.

Список использованных источников

1. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУУ). – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 111. – Л. 1; Д. 360. – Л. 29; Д. 363. – Л. 9; Д. 364. – Л. 10; Д. 365. – Л. 6; Д. 366. – Л. 7; Д. 367. – Л. 18; Д. 368. – Л. 24; Д. 369. – Л. 11; Д. 370. – Л. 5; Д. 371. – Л. 2; Д. 375. – Л. 2; Д. 673. – Л. 3; Д. 674. – Л. 2; Д. 675. – Л. 3; Д. 676. – Л. 6; Д. 677. – Л. 43; Д. 680. – Л. 1; Д. 683. – Л. 1; Д. 685. – Л. 1; Д. 686. – Л. 5; Д. 687. – Л. 21; Д. 689. – Л. 3; Д. 690. – Л. 15; Д. 692. – Л. 23; Д. 696. – Л. 29.
2. ЦГАВОВУУ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 355. – Л. 75; Д. 365. – Л. 47; Д. 691. – Л. 3.
3. Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв./ Упоров И. В. – СПб. : Изд-во “Юридический центр Пресс”, 2004. – С. 345–355.
4. ЦГАВОВУУ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 373. – Л. 17.
5. ЦГАВОВУУ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 669. – Л. 61; Д. 370. – Л. 54; Д. 676. – Л. 55; Д. 691. – Л. 40; Д. 696. – Л. 95.
6. ЦГАВОВУУ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 685. – Л. 2.
7. ЦГАВОВУУ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 674. – Л. 302.
8. ЦГАВОВУУ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 677. – Л. 39.
9. ЦГАВОВУУ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 679. – Л. 24.
10. ЦГАВОВУУ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 669. – Л. 57, 62; Д. 687. – Л. 14.
11. ЦГАВОВУУ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 373. – Л. 8.
12. ЦГАВОВУУ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 668. – Л. 28.
13. ЦГАВОВУУ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 690. – Л. 12.
14. ЦГАВОВУУ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 696. – Л. 31, 68.
15. ЦГАВОВУУ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 690. – Л. 38.
16. ЦГАВОВУУ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 675. – Л. 27.
17. ЦГАВОВУУ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 676. – Л. 59.
18. ЦГАВОВУУ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 680. – Л. 26.

Кнодель Людмила Владимировна,
доктор педагогических наук,
профессор, заведующая кафедрой
социально-гуманитарных дисциплин
Института уголовно-исполнительной
службы

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЗА РУБЕЖОМ

Тюремная система Великобритании по праву считается не только старейшей в Европе, но и благодаря постоянному реформированию

достаточно совершенной. В настоящее время в исправительных учреждениях Англии и Уэльса насчитывается около 90 000 заключенных. Контингент осужденных продолжает расти, причем за счет иммигрантов из стран Азии и Африки, следствием чего стала переполненность тюрем – ранее не существовавшая для государства проблема.

Ключевые слова: *тюремная система; исправительные учреждения; осужденные.*

Тюремна система Великої Британії по праву вважається не тільки найстарішою в Європі, а й завдяки постійному реформуванню досить досконалою. Нині у виправних установах Англії та Уельсу нараховується близько 90 000 ув'язнених. Контингент засуджених продовжує зростати, причому через іммігрантів з країн Азії та Африки, наслідком чого стала переповненість в'язниць – ця проблема раніше не існувала для держави.

Ключові слова: *тюремна система; виправні установи; засуджені.*

UK prison system is considered to be not only the oldest in Europe, but also by keeping reform quite perfect. Currently in correctional institutions of England and Wales there are averaging about 90,000 prisoners. Contingent of convicts continues to grow, at the expense of immigrants from Asia and Africa, which resulted in the overcrowding – there was not such a problem for the state previously.

Key words: *prisonsystem; correctionalinstitutions; convicted.*

Как показывают контент-исследования разнообразных источников одними, чаще всего современные процессы сравниваются в различных текстах с военными действиями и тюремным заключением. Тюрьма, изоляция, ограничение свободы, насилие, надзор, режим – все эти понятия стали расхожими выражениями, используя которые люди даже не задумываются, что все эти слова подразумевают наличие реальных социальных институтов и социальных практик, а самое главное – реальных людей, находящихся в изоляции и испытывающих на себе практики надзора и контроля.

С одной стороны, все знают, что такое тюрьма как институт наказания, и в то же время, мало кто действительно представляет, что происходит по ту сторону тюремных стен.

Образы зоны и тюремного заключения, которые в геометрической прогрессии рождаются в печати и на телевидении, как в документальных, так и художественных фильмах, порождают только лишь новые мифы о тюремной жизни, легко укореняющиеся в массовом сознании.

Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, тюрьма воспринимается как явно негативное, дискриминационное явление, а с другой – нормы и правила тюремной субкультуры присутствуют на сегодняшний день в большинстве сфер деятельности людей, например, искусстве, языке повседневного общения, способах взаимодействия между людьми, жизненных ценностях и пр. Границы между тюрьмой и остальным обществом размываются, но это ведет не к гуманизации процессов, происходящих в тюрьме, а к криминализации повседневной жизни.

Розділ II. Історія та теорія пенітенціаристики

Размышляя о происходящей экспансии криминальной культуры в обществе, мы пришли к заключению, что очень многие социальные процессы, протекавшие в прошлом и происходящие сегодня в украинском обществе, способствуют распространению и ассимиляции установок тюремной субкультуры в повседневной жизни. В исследованиях российской культуры XIX–XX вв. были выявлены социальные установки, способствовавшие формированию тюремной субкультуры, уникальной по силе воздействия.

Определение этих установок, их теоретическое обоснование и практическое подтверждение представляются сегодня необходимым и актуальным шагом, т.к. он позволит остановить распространение в обществе функциональной неграмотности и предубеждений относительно тюрем и тех, кто в них содержится. С другой стороны, применение результатов данного исследования будет препятствовать дальнейшему распространению криминальных установок в повседневной жизни.

Определение социальных и культурных оснований самого феномена наказания, проведение гуманитарной экспертизы уголовно-исполнительного законодательства, анализ общественных настроений по отношению к осужденным женщинам и мужчинам важно еще и потому, что традиционно проблемы осужденных представлены в научном дискурсе с юридической точки зрения, реже с социологической, и почти отсутствует социально-антропологическое исследование происхождения и распространения тюремных субкультур в Украине. Однако именно определение социально-антропологических оснований криминализации культуры и общества позволит решить в том числе социальные проблемы, связанные с ростом рецидивной преступности, адаптацией осужденных, гуманизации общественного мнения в отношении к ним.

Выявление причин влияния тюремной субкультуры на украинское общество, конечно, потребовало обращения к различным историческим фактам. Исторические факты – это некие указатели, позволившие нам разобраться в социальных и культурных механизмах распространения тюремной субкультуры.

В пространстве рта тесно – это прообраз всех тюрем. Кто попал внутрь, тот пропал; некоторые попадают туда живыми. Многие животные убивают добычу лишь в пасти, некоторые даже еще не там. Готовность, с какой рот или пасть открывается, если уже не был открыт во время преследования, и окончательность, с какой он захлопывается и остается закрытым, напоминает самые страшные главные качества тюрьмы.

Вряд ли можно ошибиться, предположив, что смутный образ пасти воздействовал на организацию тюрем.

“Для ранних людей существовали, конечно, не только киты, в пасти которых им было достаточно места. Там ничто не может вырасти, даже если есть время для обживания. Посевы там сохнут и гибнут. Когда драконы были, так сказать, истреблены, им нашлась символическая замена – тюрьмы. Раньше, когда они были только пыточными камерами, сходство с пастью можно было проследить вплоть до мельчайших деталей. Ад выглядит так же и по сию

пору...” Это написал Элиас Канетти в своей знаменитой книге “Масса и власть”. Тюрьма здесь предстает в своей неотменимой архаической сущности. Ее метафизический образ: захват, поглощение, растворение – уничтожение. Зона смерти. И не что иное.

Тюрьма – одно из воплощений темной, подземной, варварской области жизни человеческого сообщества. Тюрьма – это и признание обществом своего бессилия, своей несостоятельности... Впрочем, Э. Канетти вообще был пессимистом. Ему настойчиво казалось, что разумно организованная социальная жизнь, в которой только и может относительно безопасно разместиться человек, – лишь призрачно-тонкая и временная возможность: “Ведь может статься, что общество – вовсе не организм, что оно не обладает строением, что функционирует лишь временно или лишь иллюзорно...” [2].

О подземной, нечеловеческой, противочеловеческой сути тюрьмы (“блатного мира”) все время говорил Шаламов, сам прошедший этот гибельный опыт. Тюрьму невозможно оправдывать, бесполезно осуждать, опасно испытывать в отношении к ней романтические иллюзии. Ее закон – выживать за счет других. Отвратительный закон унижения и уничтожения. В своих “Очерках преступного мира” он повторяет это снова и снова [1].

Во многих странах Западной Европы (США – статья особая) сегодня пошли по естественному компромиссному пути – “открытия” тюрьмы и поиска альтернатив тюрьме. Нарушена первая тюремная заповедь – изоляция.

Тюрьма становится все более прозрачной для общества, и не только в смысле знания о ее устройстве и о жизни ее обитателей. Общество получает все больше возможностей вмешиваться в жизнь тюрьмы, постепенно выводя ее из сферы закрытости, бюрократических ограничений и регламентации, включая в жизнь “местного сообщества”. Опыт скандинавских стран в реформе института тюрьмы покажется сегодня большинству из нас чем-то нереальным.

Когда Нильс Кристи описывает “тюремные опыты” в Норвегии, то хочется спросить: где же тюрьма и куда же исчез преступник?

“Каждый год после Рождества довольно необычное собрание проводится где-нибудь в горах Норвегии. Собрание проводится в отеле с хорошей репутацией, продолжается три дня и две ночи, и в нем принимают участие две сотни человек. Присутствуют представители пяти групп.

Первая: ответственные должностные лица исправительной системы, начальники тюрем, работники охраны, врачи, социальные работники, работники надзорной службы, преподаватели исправительных учреждений, судьи, сотрудники полиции.

Вторая: политики. Члены стортинга (законодательной ассамблеи), иногда министры, всегда кто-то из советников и местные политические деятели.

Третья: “либеральная оппозиция”, непрофессионалы, интересующиеся делами уголовной полиции, студенты, адвокаты, университетские преподаватели.

Четвертая: представители средств массовой информации.

Пятая: заключенные, зачастую все еще отбывающие наказание и получившие на эти дни отпуск.

Среди участников часто есть люди, отбывающие заключение за серьезные преступления: убийства, наркотики, вооруженные грабежи, шпионаж. Поздними вечерами и даже ночами можно видеть... заключенных, начальников тюрем, охранников, полицейских и представителей либеральной оппозиции, горячо обсуждающих исправительную политику в целом и условия содержания в частности...”.

Отбывающие наказание включаются в сообщество тех, кто принимает решения о наказаниях. Может быть, эта “открытая тюрьма” – шанс современного общества. Его шанс избежать эксцессов варварства [3].

Многие западные теоретики тюрьмы и по сей день напоминают нам о позитивной, о “социализующей” ее функции. Наверное, бытовое благополучие тюремной системы действительно способно скрывать, смягчать ее подлинное “десоциализующее” воздействие. При менее благополучных условиях скрыть варварскую подземную сущность тюрьмы не удастся. Неблагополучное общество производит свое “антисообщество” опасно ускоренными темпами. Оно вообще плохо понимает, что оно делает... [4]

Статистика еще не заставляет думать. А когда мы привычно произносим “тюремное население” (кстати, когда всех нас называют “населением” – мы тоже пропускаем это унижительное определение мимо ушей; мы не “граждане”? уже или еще?), то мысль наша, окончательно лишаясь человеческого измерения, движется по одномерной логике “общественной целесообразности”. Я вовсе не намекаю на “гуманность”. Речь идет о более существенном. О возможности превращения “населения” в “гражданское сообщество”. Состояние тюремного института – индикатор этого процесса [3].

Что же практикует отечественный тюремный институт? Трудно ошибиться: масштабное телесное наказание, массовую пытку. Неустанно тренируется в уничтожении. Развращает общество, работает на возврат его в унижительное нечеловеческое состояние.

“Минимум условий выживания” – для сидящих сегодня в СИЗО это мечта недостижимой высоты. Шансы вернуться из тюрьмы физически и социально полноценным практически равны нулю. И это не все. Надежда на разумную соразмерность преступления наказанию – просто смешна. У огромного числа “отбывающих срок” в наших тюрьмах нет и не может возникнуть чувства вины (а ведь именно на нем держится социальный эффект наказания). Просто потому, что криминальность стала условием выживания всего сообщества [4].

Граница между преступным и непроступным размыта. Дозволенное и недозволенное означает совсем разное для различных социальных групп и индивидов. Разве это не признаки общественной деградации?

Выстраивая свою умозрительную конструкцию “общественного договора”, еще Гоббс объяснял, что общество возникает там, где вводится запрет на уничтожение человека. Гражданское состояние – это принятие на себя

ответственности, но в обмен на гарантию уважения к собственной жизни, на гарантию равной для всех безопасности и справедливости [5].

Вне гражданско-правового состояния институт тюрьмы не функционирует. Тюрьма оказывается лишь декорацией, лишь внешним фасадом, за которым скрывается совсем иное пространство – пространство ГУЛАГа. Ошибиться в этом сходстве трудно – есть одна точная примета: в нашей тюрьме, как и в ГУЛАГе, жизнь человеческая не стоит ничего.

(Впрочем, с высот наших “вертикалей власти” отдельная человеческая жизнь и не может быть различима.) Здесь нет людей, здесь живут “преступники”, род нечеловеческий. И действительно, тюремная среда успешно воспроизводит этот род.

Так в каком же времени мы живем? В “запаздывающем”? А может быть – все еще в “параллельном”? Если надеяться на то, что наше общество просто “исторически запаздывает”, то сегодня нам, видимо, надо торопиться. И понять, что тюрьма – наша упущенная историческая возможность [1].

На нашей территории она уже упразднена – состоявшейся чудовищно варварской формой ГУЛАГа. Стоит ли, при дефиците социальных устоев, прикладывать усилия к расширению сегодняшней нашей тюрьмы? Расширяя тюрьму, мы, похоже, лишь расширяем криминальное пространство. Втягиваясь в бесконечную логику уничтожения человека.

Могут возразить, что реальная преступность мало располагает к общественному благодушию, что существуют, наконец, опасные преступники, насильники и убийцы... Все так, и это особый разговор. Но далеко не самый первый. Вернее, он может стать осмысленным, серьезным и важным, но только при одном непременном условии: должна быть установлена точка отсчета. Необходимо сначала признать самое первое и элементарное. Что требуемое обществом наказание и физическое уничтожение человека – вещи разные.

Смертный приговор – это эксцесс для человеческого сообщества, вечный вопрос без ответа. Но как можно вообще рассуждать о справедливости наказания и “осмысленности” смертного приговора в условиях, когда тюремное заключение уравнивает всех, нарушивших закон, просто помещая их за черту физического выживания? Не потому ли так фальшиво звучат интеллектуальные телевизионные дебаты о “праве” общества применять смертную казнь?

Ведь фон этих рассуждений – знание, что смерть для преступивших закон сегодня в нашей стране расположена вовсе не там, не в узкой зоне присужденной высшей меры, но гораздо ближе и неотвратимее – она сразу за территориальной чертой тюрьмы. Если любое наказание заведомо означает посягательство на саму жизнь, – то бессмысленны все смыслы и пределы.

Просто нет точки отсчета. Просто не существует “минимума гражданско-правового состояния”[6].

Основной “материал” сегодняшней нашей тюрьмы – люди социально неблагополучные. По собственному признанию одного из руководителей отечественной юстиции, более 50 процентов наших заключенных – это те, кто

Розділ II. Історія та теорія пенітенціаристики

попал в тюрму за мелкие и средней тяжести правонарушения. Именно они составляют большинство “тюремного населения”[6].

И именно они будут пополнять криминальную среду. Учитывая, что ресурсы нашего общественного неблагополучия – реально бесконечны, можно уверенно прогнозировать последствия... Стратегия нашей сегодняшней криминальной политики – просто общественно опасна и даже – убийственна для нашего еще достаточно варварского сообщества. Именно варварского.

Европейские наблюдатели признали условия содержания в наших СИЗО и тюрьмах – пыточными.

Но и это определение нас не смущает. Общество просто приняло это к сведению, а чиновники стали сетовать на отсутствие средств и говорить о необходимости строительства новых тюрем...

Какое еще сообщество, как не варварское, может вообще не замечать массовое жертвоприношение, происходящее рядом и при попустительстве самого общества? Как можно назвать то сообщество, которое принимает насильственную смерть как должное? Или смерть “преступника” – это не смерть?

Еще недавно можно было (тоже, в общем-то, лукаво) объяснить наше “неведение” тюрьмы ее ведомственной закрытостью, отсутствием о ней информации. Сегодня все всё уже знают. Газеты рассказывают о смертях в камерах СИЗО от удушья, о голодном тюремном существовании, о том, как люди гниют, оставаясь без медицинской помощи, о психических больных, скученных в убогих камерах, о катастрофических масштабах туберкулеза, сифилиса и СПИДа, о насилии и унижении. Но информация почему-то не превращается в знание (мы не хотим знать и помнить), а знание почему-то не превращается в разумное (я даже не говорю “гуманное”) действие. А значит, мы все соучаствуем в унижительной и варварской форме общежития. В том числе – в массовой смертной казни. Так далеко ли мы ушли от ГУЛАГа? Наше общество насыщено, перенасыщено опытом тюрьмы. Сколько можно?

Литературные произведения, публицистика, да сегодня уже просто вал информации и свидетельств о тюрьмах, сегодняшних, – они расположены рядом с нами. Может быть, стоит, наконец, поторопиться в цивилизованную историю? Думать вперед. И не строить новые тюрьмы, а искать альтернативы тюрьме. А в преступнике признать индивида и гражданина... Именно в преступнике. Возможно, тогда, как ни парадоксально, и законопослушные наши граждане почувствуют себя однажды ценной частью равноправного сообщества. Может быть, сообщество вообще начинается с “минимума человеческого отношения” к униженным и исключенным, с признания за ними права на “минимум жизни”. А до этого оно – просто дикое сожительство [1].

И вечная угроза ГУЛАГов, существующих в самых разных формах и под разными именами.

Тюремная система Великобритании по праву считается не только старейшей в Европе, но и благодаря постоянному реформированию достаточно совершенной, и в чем-то несколько необычной. В настоящее время в

исправительных учреждениях Англии и Уэльса насчитывается около 90 тыс. заключенных. И увы, контингент осужденных продолжает расти, причем за счет иммигрантов из стран Азии и Африки, следствием чего стала переполненность тюрем – ранее не существовавшая для государства проблема.

История королевской тюрьмы Тауэр – рассказ отдельный. Но в середине XIX века эстафету главного застенка королевства приняла лондонская тюрьма “Пентонвилль”, действующая и по сей день. Учреждение, рассчитанное на 860 постояльцев, было построено в 1842 году. Государственным мужам показалась удачной планировка здания в виде пятиконечной звезды, поэтому в последующие годы на территории страны по этому проекту были возведены еще 54 острога.

С начала до середины прошлого столетия в тюрьме приводились в исполнение смертные приговоры. В числе 120 казненных были один из основателей Ирландской республиканской армии поэт Роджер Кейсмент и индийский террорист Удхам Сингх, повешенный в 1946 году за убийство губернатора Пенджаба. Тела всех казненных хоронили на тюремном кладбище.

Другим старейшим и ныне действующим острогом является “Рединг” в графстве Бершир, в котором сегодня содержатся 300 заключенных в возрасте до 21 года, не совершившие особо тяжких преступлений.

Самым известным заключенным здесь стал впоследствии знаменитый драматург Оскар Уайльд, в конце позапрошлого века получивший два года заточения за гомосексуализм. И тогда же, в каземате, он написал ставшую бестселлером “Балладу о Редингской тюрьме”.

Кстати, в Великобритании всего восемь исправительных заведений для малолетних преступников.

Самое большое, на 450 осужденных, входит в тюремный комплекс “Бринсфорд” (кроме “малолетки”, там еще есть и тюрьма для взрослых). Оба заведения находятся в двухстах метрах друг от друга и представляют собой каждый несколько корпусов из красного кирпича, обнесенных 4-метровой бетонной стеной со спиральями колючей проволоки поверху.

Один из поздних шедевров тюремной архитектуры – тюрьма открытого типа “Форд” (типа наших колоний-поселений) в Западном Суссексе [7].

Ее построили на базе королевских ВВС, ликвидированной в 1960 году. В учреждении, рассчитанном на пребывание 540 заключенных, отбывают наказание совершившие незначительные правонарушения, например, за управление автомобилем в нетрезвом виде (вроде звезды британского футбола Джорджа Беста), к тому же оказавшие сопротивление полицейским и нарушившие условия освобождения под залог.

Отдельной строкой в пенитенциарной системе Великобритании прописаны тюрьмы особого режима. Пока упомяну лишь три. “Вормуд-Скраббс” знаменита тем, что в ней отбывал наказание советский разведчик Конон Трофимович Молодой, ставший прообразом резидента Ладейникова в фильме “Мертвый сезон”, и его помощники суприги Крогер. Из этой тюрьмы в 1966 году бежал

Розділ II. Історія та теорія пенітенціаристики

другой советский разведчик Джордж Блейк, после чего тюрьмой для шпионов было определено исправительное заведение “Белмарш”.

Несмотря на то, что в статусе особого режима используется еще три старых острога – “Паркхерст”, “Дэрхэм” и “Лонг-Саттон”, в 2002 году ввели в строй еще одно заведение для содержания особо опасных преступников – “Англию” в “Уэльсе”, всего на 40 человек. А спустя несколько лет оттуда, несмотря на беспрецедентные меры безопасности, дважды, правда, безуспешно, пытался сбежать осужденный к пожизненному заключению – британский чикатило Каллус Роджерс.

Проблему переполненности острогов британские власти пытались решить в 2005 году, закупив в США старые пароходы и переоборудовав их в плавучие тюрьмы. Увы, проект потерпел фиаско.

Коммуникации в посудинах оказались настолько изношенными, что замена канализации, водопроводных и электрических сетей оказалась неподъемной для британского бюджета.

Итак, приговор вынесен. Эту процедуру осуществляет низшее звено британского правосудия, так называемые магистры, но его решение можно обжаловать в вышестоящих инстанциях – в Апелляционном суде, Суде короны и даже в Палате лордов. Любопытно, что подавляющее число судей магистратов, хотя и имеют университетское образование, но не имеют юридического.

Этакие народные заседатели на английский манер. Разобраться в тонкостях судопроизводства им помогают помощники из числа профессиональных юристов. Судьи назначаются из числа добропорядочных граждан, и они могут носить мантию до достижения 70 лет.

И еще один интересный момент – в соответствии с правилами, установленными еще во времена оные, судья должен осуществлять правосудие не менее... 26 дней в году! Понятно, что эта не отмененная норма стала просто юридическим казусом.

Аналогом нашей службы исполнения наказаний в Великобритании является Главная тюремная инспекция (ГТИ), находящаяся в подчинении МВД. Этот институт появился в 1835 году, и с того момента глава ведомства обязан посещать каждую тюрьму не реже одного раза в пять лет. Но контроль за пребыванием узников за решеткой осуществляют не только государственные чиновники. Им занимается также независимые от МВД аппарат омбудсмана (уполномоченного по правам заключенных) и Совет визитеров, который появился на свет тоже в середине XIX века.

Тогда он состоял только из магистратных судей, сегодня в его составе насчитываются 1600 человек. Задачи Совета – контролировать соблюдение гуманности в отношении заключенных, условия их содержания: бытовых условий, питания, медицинского обслуживания, а также интересы сотрудников тюрем. Их права и обязанности были закреплены в специальном “Тюремном акте 1972 года”. Члены Совета визитеров работают на общественных началах [7].

Им может стать каждый – от учителя до бизнесмена в возрасте от 35 до 60 лет, после того как он пройдет соответствующую подготовку на специальных курсах. “Общественными смотрящими за зоной” могут стать и бывшие заключенные при условии примерного поведения в течение 5 лет после освобождения и бывшие надзиратели, но не в своей тюрьме.

подавляющее число визитеров выбирается из числа местных жителей. В обязанности визитеров входит не менее 8 часов в месяц навещать своих подопечных, причем в любое время дня и ночи. У них имеются ключи от всех помещений, за исключением дверей от камер, им предоставлены комнаты, в которых они могут выслушивать просьбы и жалобы заключенных.

Кстати, следующая инстанция – омбудсмен – не будет рассматривать прошения без предварительного заключения визитеров. Заработную плату волонтеры не получают, а единственные денежные выплаты от МВД – это компенсация транспортных расходов. Но возможны и бонусы в случае, если визитер теряет работу или если на случай своих разъездов ему приходится оплачивать услуги няни для ребенка. Это и понятно – бюджет Совета визитеров всего 1,5 млн фунтов стерлингов в год.

Для справки – сотрудник среднего звена пенитенциарной системы получает жалование всего около 17 тыс. фунтов в год, а на содержание одного заключенного тратится более 20 тыс. Здесь стоит упомянуть еще об одной инстанции – Совете по условно-досрочному освобождению. Его члены назначаются министром внутренних дел: две трети – представители общественности плюс профессиональные юристы и психологи.

Основной темой заседаний Совета по УДО является рассмотрение дел осужденных на пожизненное заключение, поскольку смертная казнь в Великобритании была официально отменена в 1998 году. Совет может своим решением перевести заключенного из одной категории в другую, пожизненно осужденным сократить срок или отказать тем, на чьем деле стоит штамп “Без права на помилование”[4].

Восемь раз подавала такое прошение садистка Джоан Глейн, пытавшая и убившая 8 детей в 1964 году. Так и не добившись снисхождения, она закончила свой жизненный путь в последнее Рождество прошлого века.

Вообще пожизненное заключение сегодня осужденные отбывают в 60 тюрьмах Великобритании. Судья устанавливает так называемый тариф – срок, который осужденный должен отбыть обязательно. Совершившим относительно незначительные преступления срок пребывания за решеткой может быть завершен после отбытия его реальной половины в 15 лет.

Интересно, что пожизненное заключение могут получить не только убийцы. На всю оставшуюся жизнь британская Фемида может отправить за решетку и участника банды, во время налета которой был убит человек. Правда, в этом случае УДО может наступить через пять лет.

Но вот еще одна особенность британской тюремной системы. Начальник тюрьмы лично, по своему усмотрению, может увеличить срок пребывания своего подопечного в учреждении за серьезные нарушения правил внутреннего

Розділ II. Історія та теорія пенітенціаристики

распорядка на 42 дня. Или, наоборот, в случае серьезной болезни заключенного отправит его под домашний арест с обязательным ношением электронного браслета, который не позволяет осужденному покидать пределы своего дома.

“А”, “В”, “С”, “D” – этими буквами латинского алфавита обозначается не только категория преступников, но и тюрьмы или отделения, где им предстоит отбывать наказание. “Клеймение” проводится с учетом тяжести совершенного преступления, количества совершенных ранее, характеристики и особого мнения полиции. На этапе следствия подозреваемый содержится в местной тюрьме, а после вынесения приговора, получив “метку”, отправляется отбывать наказание в соответствующее исправительное заведение [2].

Самой строгой считается категория “А” – как в отношении осужденного, так и по условиям его содержания: побег из мест заключения должен быть исключен. Аналог – российские колонии особого режима. Если побег случится, начальник заведения автоматически увольняется.

Узники категории “В” (колонии строгого режима) ограничены в возможности передвижении по территории. “С” и “D” соответствуют нашим колониям общего режима и колониям-поселениям.

Но заключенные всех категорий имеют одинаковые права – на полноценное питание и медицинское обслуживание, койко-место, переписку с родными, количество свиданий. Кроме того, в тюрьмах существует еще одно разделение по уровням. По прибытии к месту отбывания наказания осужденный оказывается на “базовом уровне”. В случае примерного поведения его переводят сначала на “стандартный”, а потом на улучшенный уровень, что соответственно категориям “С” и “D”. На четвертый, пониженный, попадают обычно строптивые, получившие три замечания от администрации [6].

Итак, после поступления в острог осужденный отправляется на карантин (двери которого почему-то окрашены в оранжевый цвет), где за ним наблюдают сотрудники службы пробации (психологи), которые должны проследить за процессом адаптации новичка к новым условиям. В том числе и в изучении так называемой “Зеленой книги”. Это свод прав и обязанностей заключенного, переведенный на 20 языков.

А сидят в Англии по-разному. В июле 2008 г. МВД Великобритании провело социологический опрос. Его цель – выставить оценку по 4-балльной системе всем 148 тюрьмам. Итог: “четыре звезды” получили 12 тюрем, три – 101, две – 22, одну – 3. В числе лидеров оказались “Ланкастер-фармз” (славится своими огородами, откуда овощи идут не только на тюремную кухню, но и на продажу). Сами заключенные ей присвоили звание “Самая честная тюрьма Великобритании”. В этом же списке “Аск энд Прискоу”, чьи обитатели уже не одно десятилетие занимаются озеленением, под стать им и владельцы “Дартмур” и “Холлоуэй”. Первая за то, что заключенным нечем в ней заняться, до второй родственникам надо добираться на перекладных, в третьей установили клетки склонных к самоубийству [7].

Но одной из самых лучших тюрем, которой в прошлом году присвоили звание “образцово-показательной”, является заведение в Фэзэстоуне, где

содержатся 600 человек и ни постояльцем больше. Камеры рассчитаны на 1–2 человек. Обстановка стандартная – кровать, стол, два стула, полка с телевизором.

Гражданскую одежду имеют право носить только находящиеся под следствием или переведенные в категорию “D”. Остальные носят майки, штаны и бейсболки желтого, красного либо зеленого цвета, причем на год выдается два комплекта. Из своего – только кроссовки и тапочки.

Практически все заключенные задействованы на работах: кто трудится на ферме, кто входит в число кухонных рабочих или хозобслуги, но большинство работают на предприятиях, успешно функционирующих при тюрьмах.

Например, в Фэзэстоуне работает цех по производству металлических дверей и тележек для супермаркетов, причем значительная часть изделий идет на экспорт. При этом все желающие поработать получают не только специальность, но и, пусть небольшую, зарплату 12 фунтов стерлингов в неделю, которые перечисляются на лицевой счет и на них можно побаловать себя сладостями, получив их через стол заказов в виде товара.

Для этого нужно просто заполнить бланк, в котором уже указано наличие товара, вес и стоимость. Кстати, при поступлении осужденного ему сразу же выдаются два пакета – с сухим пайком и гигиеническими принадлежностями.

Трудятся на производстве по пятидневке шесть часов в день с двумя перерывами на ланч и традиционный британский пятичасовой чай.

Практически во всех тюрьмах имеются спортивные и тренажерные залы, в некоторых – даже теннисные корты и площадки для боулинга, библиотеки с основным и обменным фондом, через который можно заказать книгу, если ее не имеется в наличии в библиотеке. Любопытно, что если заключенный не может найти духовной пищи в библиотеке или в тюремной церкви, то администрация предлагает ему “слушателя” – такого же бедолагу, который готов выслушать и утешить.

Впрочем, это могут сделать и родственники во время свиданий. Обычно, один час и только раз в месяц, но начальник тюрьмы может разрешить еще одно плюс парочку за примерное поведение. Встречи происходят в комнате, где постояльцы и визитеры могут обняться, но сидят они при встрече на некотором расстоянии.

А вот заключенные категорий “A” и “B” общаются с посетителями через прозрачный пластмассовый экран, дабы визитеры не передали им запрещенные предметы, например наркотики. С этой же целью при входе в зал свиданий обязательно дежурит кинолог с собакой [7].

В британской тюремной системе не практиковались длительные свидания, когда, например, супруга могла бы проводить дни и ночи со своим суженым. В пуританском понимании считалось, что секс в этой ситуации недопустим.

И только в прошлом году правозащитники подняли этот вопрос на обсуждение. А вот тем, кто находится на положении подсудимого, до вынесения приговора можно встречаться с родными шесть раз в неделю. Количество визитов адвокатов также не ограничено.

Розділ II. Історія та теорія пенітенціаристики

Ну а теперь о пише насущной. В подавляющем большинстве тюрем нет столовых. Заключение могут трапезничать либо в камерах, либо в специально отведенных для этой цели комнатах, куда на тележке доставляет блюда раздатчик. Надо сказать, что в Британии с уважением относятся к религиям, поэтому мусульмане и иудеи могут заказать себя пищу в соответствии со своими обычаями. То же касается и вегетарианцев. Все остальные довольствуются стандартным набором. Например, на завтрак подается традиционная овсяная каша, яичница, колбаски, тосты, джем или “завтрак пахаря” – большой бутерброд с сыром и маринадами.

На обед кроме супа предлагаются гамбургеры, сэндвичи с курицей в сочетании с жареным картофелем и кетчупом или “жаба в норе” (сосиска в тесте). Причем, что любопытно, стандартный набор по стоимости не превышает 1 фунта стерлингов в день.

Понятно, что при таком рационе голодовки не практикуются. Зато часто бывают “грязные” протесты. Это когда заключенные отказываются мыться и стирать свое белье, а фекалии и мусор выбрасывают в коридор или под окна.

Тогда охранники, которые не имеют в большинстве тюрем даже дубинок, пытаются усюветить бунтовщиков. Вспышки ярости, во время которых кое-кто из осужденных ломает мебель или сантехнику, заканчиваются помещением хулиганов в сегрегейшн – дисциплинарный изолятор. В его интерьере есть только один элемент мебели – стул. Да и сделан он из картона.

Зато заключенные категории “D”, которые решили после освобождения встать на путь исправления, пользуются у начальства благоволением [6].

Специально созданная при тюрьме служба помогает в трудоустройстве, а ее сотрудники даже сопровождают своего подопечного в качестве группы моральной поддержки во время его визита на собеседование с работодателем.

Итак, понятно: наивно видеть в тюрьме средство социальной коррекции и воспитания. Но западная идеология тюрьмы сильна еще одной перспективной утопической посылкой. Идеальная тюрьма, та, к которой стремится западное общество, постоянно реформируя институт тюрьмы, должна стать местом, где осуществляется “бестелесное” наказание, безболезненное, бескровное, стерильное, безопасное для органической” жизни.

Образцовая тюрьма должна лишь “поражать в правах”, репрессируя “социальное тело” индивида и не посягая на его жизнь, более того, она должна поражать индивида только в отношении определенных прав (в зависимости от характера совершенного преступления), оставляя за ним признаваемые сегодняшним сообществом фундаментальные социальные права. Но может ли вообще наказание быть “бестелесным”? Не производящим в большей или меньшей степени выраженные, но в любом случае необратимые изменения... Не сродни ли это утопии бессмертия...

Сегодня западное общество начинает понимать, что тюрьма не должна играть роль основного института наказания, что она – весьма затратное и проблематичное средство “социальной коррекции”. Что тюрьма, похоже, – масштабный социальный эксперимент с непредсказуемыми последствиями. А

может быть даже, тюрьма – это все тот же древний институт возмездия? Ведь, изолируя, тюрьма осуществляет деструкцию, она уничтожает. И тем самым общество расписывается в своей неспособности быть обществом.

Список использованных источников

1. Асмолов А. Г. Психология личности / Смолова Г. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 375 с.

2. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации / Гидденс Э. – М. : Прогресс, 2003. – С. 413–421.

3. Васильев А. И. Проблемы социальной реабилитации осужденных к лишению свободы / А. И. Васильев // Проблемы исполнения уголовных наказаний. – Рязань, 1991. – С. 30–43.

4. Ветошкин С. А. Социально-педагогические условия воспитательной работы в исправительной колонии : автореф. на соискание учен. степени канд. пед. наук / С. А. Ветошкин. – Екатеринбург, 1997. –18 с.

5. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия / Кристи Н. – М. : Прогресс, 1999. – С. 40 – 41.

6. Тюремное наказание как явление культуры и политико-правовой институт / Копытов Ю. Г. – Ростов-на-Дону : СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН, 2010. – 112 с.

7. Matthews R. Doing Time. An Introduction to the Sociology of Imprisonment / Matthews R. – Basingstoke, 1999. – P. 39.